

Курс “Духовный путь личности.”

Лекция 6. “Выбрать жизнь! Всегда радуйтесь!»

<https://youtu.be/Ylx1msq9NLA?si=Iknsu3gDGBjPGIc6>

2:05:06

о. Андрей Лоргус:

Шестая тема – это жизнь, жизнь и радость. Выбрать жизнь – это означает признать её ценность, признать ценность её безусловную, как дар Божий. Признать и принять, принять жизнь и радоваться этому дару – это тема радости и благодарности, это тема, которая вплотную подводит нас к понятию соработничества и духовного подвига.

Эта тема как бы завершает цикл лекции, хотя это не единственный окончательный результат, но это один из высот человеческого духа. Итак, сегодня последняя лекция из цикла, который мы назвали «Духовное развитие личности» или «Духовный путь личности», и он состоял из шести лекций и четырёх семинаров, которые представляли собой более развернутые и практические упражнения, практические решения вопросов, которые мы здесь ставили. Конечно, не все из этих вопросов нам удалось развить в достаточной степени.

И сегодня последняя тема, которую мне бы хотелось провести радостно, потому что она про радость. Но как это получится, я уж не знаю. Многое влияет на наши эмоции, на наши чувства, а эта тема, конечно, очень эмоциональная.

Почему она завершает этот цикл? Потому что результатом развития человеческого духа не может не быть что-то, что превосходит всякую обыденность и всякую реальность. Превосходит и в человеческом и в религиозном смысле, превосходит её и как философски-религиозное осмысление.

И поэтому радость и призыв к радованию, мне кажется, это итог результата жизни, которую мы могли бы представить и которую могли бы принять всем сердцем. Всё-таки в нашей цивилизации, в нашем воспитании живёт одна такая очень важная максима, которая говорит о том, что мы все призваны к счастью. Но мы обычно отводим эту тему

детям или подросткам, а взрослым людям как бы говорить о счастье уже может быть мало приходится, и тем не менее в богословском и религиозном смысле можно трансформировать эту идею как идею радости.

Много, что есть в нашей культуре, в которой мы сейчас живем, о радости. Это есть и Шиллера Бетховен, это есть и Толстой и многие современные поэты. Но, к сожалению, история 20 и уже начало 21 века, к сожалению, складывается достаточно трагично, чтобы всем нам вновь оставаться и погружаться в скорбь, в трагедию, в стинание, в боль и всякие прочие отрицательные чувства.

Такова наша история, такова наша жизнь, что в ней слишком много боли, слишком много страданий, потерь и кроме того страхов и угроз. Мы боимся, боимся конца света, боимся экологической катастрофы, боимся войны, терроризма, болезни изрядно боимся. У нас очень много страхов и впереди у нас ну так с культурологической точки зрения ничего особенно хорошего нас не ждет.

Самые умные люди планеты настолько это делают, что пугают. Пророки тоже пугают, потому что они говорят, что конец света вам не понравится, ребята, это будет ужасно и что земля сгорит и совется, как свиток. Правда, потом будет новая земля и новое небо, но все ли мы рассчитываем там жить?

Это под вопросом. Поэтому общий тон наших религиозных ожиданий, он не очень радостный и в то же время христианская религия пропитана, я бы сказал, темой радости и поэтому наши с вами поиски достойны того, чтобы они увенчались находкой этой радости. Но, собственно говоря, искать ее особенно не надо, она есть в Евангелии, поскольку и само понятие благой вести это тема радования, тема радости.

И особенно у Евангелиста Иоанна Богослова тема радости и в его Евангелии, и в его посланиях светится. Светится она и у апостола Павла и поэтому, как бы эпиграфом к сегодняшней лекции, я выбрал слова из второго послания к фессалоникийцам или к салунинам по-славянски «Всегда радуйтесь». И этот призыв апостола Павла лично для меня всегда был ну как бы религиозным призывом, для меня всегда было, остается главной христианской темой.

И если мне, как священнику, как проповеднику, как ученому, как богослову и психологу удастся донести вот эту главную христианскую мысль, как мне кажется, то я считаю себя счастливым, у меня есть основания радоваться.

Но всегда ли мы радуемся, когда у нас есть основания? А можно ли радоваться тогда, когда оснований нет?

Мне кажется, да. Потому что радость, которая основана на чем-нибудь успешном, на чем-нибудь, что вот можно уже достигнуть, вот держать в руках богатство, здоровье, какой-то успех, новую вышедшую книгу или построенный дом, это все-таки радость за что-то. Радость, которая, ну если не куплена, то по крайней мере добыта.

Тяжелым ли трудом или успешной находкой. Радость за что-то, радость за вещь, радость за приобретение. Пусть даже это приобретение не может быть выражено никаким материальным эквивалентом.

А может ли быть радость не за что? Да. И не только да, но эту именно радость, именно такую радость не за что, как раз и проповедует апостол Павел.

И проповедь эта основана на том, что человеку благой вестью открыта вечная жизнь. Если вы посмотрите Евангелие с этой точки зрения, то увидите, что там радость и вечная жизнь встречаются почти всегда вместе. Особенно у евангелиста Иоанна Богослова.

Радость и вечная жизнь. Таким образом, Евангелие это благая весть об открытии, о находке вечной жизни. Но вечная жизнь это не то, что можно пощупать, приобрести, положить в карман.

Более того, вечную жизнь даже нельзя гарантировать себе. Она дана, и дана Христом однозначно, сверхубедительно, потому что это его жизнь. Он жизнь свою положил, чтобы мы имели жизнь с преизбытком.

Бог пожертвовал Сыном Своим, его жизнью человеческой, чтобы жизнь поселилась среди людей вечно и с преизбытком. И это основание радости. Самое главное, что жизнь побеждает смерть.

Но этой смерти в нашей жизни так много, в разных её видах, и в виде скорби, и в виде потерь, и в виде боли, и в виде трагедий, что мы забываем о том, что жизнь победила смерть. Мы забываем об этом не потому, что мы плохо читаем Евангелие, или мало его читаем. Мы забываем не потому, что кто-то не верует Евангелию, не верует Господу, но потому, что нам по-человечески трудно удержать главную истину во внимании и видеть эту главную истину радости жизни сквозь надвигающуюся и угрожающую нам смерть.

Очень трудно. И тем не менее, главная весть евангельская — это весть о жизни. Причём о жизни вечной.

То есть такой, которую смерть не одолеет. И вот, на мой взгляд, как раз это и есть результат духовного развития личности. Один из результатов, надо уточнить, который заключается вот в чём.

Жизнь победила смерть. Победила так, что нет никакого ограничения жизни, и жизнь никто не может отнять, и жизнь ничем не может быть... Наша жизнь конкретно человеческая умоляна.

Она ничем не отнимается и не уменьшается. Она не уменьшается ни горем, ни болезнями, ни падением. Она не уменьшается страданиями, болью.

Апостол Павел буквально так и пишет. Но как вы участвуете в христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы его возрадуйтесь и восторжествуйте. И апостол Пётр.

О всём радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно от различных искушений. И опять апостол Павел. То есть и для апостола Павла, и для апостола Петра радость, возможно, наравне с тем, что человек живет в страданиях и в скорбях.

Вот тут они скорби, они снаружи и изнутри. И это, тем не менее, допускает радость, которую ничто не может отнять. Ни скорби, ни страдания, ни напасти, ни страхи.

К вопросу о том, может ли человек радоваться, испытывая боль и страдания, не только да, но да с большой буквы, да подтвержденная не только авторитетом апостола, а да подтвержденная их собственной радостью, собственным свидетельством об этом. Иными словами, может ли быть радование человека, которое не основано на каких-то успехах, достижениях и на богатстве? Да.

Но и более того, радость возможна, даже если жизнь наполнена страданиями и скорбями. То есть это радость вопреки. Это такая радость, которую отнять невозможно и ее уменьшить невозможно.

Если кто из вас читал книгу Виктора Франкла «И все-таки сказать жизни да», хотя она в русском переводе называется «Просто сказать жизни да», то там вот эта парадоксальная ситуация, когда человек, находясь в крайней степени истощения, унижения, скорби и страданий, вдруг начинает

светиться от радости, тот наверняка понимает, о чем я говорю. Вот этой парадоксальности человеческого, духовного, несомненно духовного радования жизни. Только это не смех сквозь слезы.

Это совсем иная реальность. Это радость наравне со страданиями. То есть страдания не уходят, они не исчезают, но они не могут преодолеть радость.

Это возможно только в одном случае, если эта радость происходит не извне, а она струится изнутри. И если мы веруем в то, что источником этой радости для каждого человека, для каждой рожденной личности является его бессмертная душа. Только в этом случае радость будет непоколебима.

Если мы в это веруем. Потому что всякое другое понимание человека не даст нам понимание того, как можно радоваться, несмотря на то, что человек окружён страданиями и скорбями. Но опять же, это максимум не для того, чтобы её насаждать другими.

Это максимум для того, чтобы, оборотясь внутрь себя, увидеть её внутри себя. И говорящий так, может говорить только свидетельствуя о себе. Только тогда эти слова будут словами правды и истины.

И апостол Пётр, о жизни его вы знаете. И апостол Павел, жизнь которого тоже вам известно. Такова, что в ней обыденной радости быть, наверное, не очень могло.

И тем не менее, слова Священного Писания из их уст звучат как живое свидетельство о радости жизни. И уж, конечно, слова Виктора Франкла и ещё миллионов других людей. Которые, несмотря на то, что им пришлось прожить, пережить.

Они не только сохранили в себе источник, здесь я указываю на сердце. Источник своего счастья и своей радости. А они, собственно говоря, только там-то его и открыли.

Это совсем не означает, что для того, чтобы почувствовать радость жизни, надо оказаться заключённым в лагерь. Тогда бы понятно, кого бы мы прославляли, тех, кто нас туда отправлял. Ну, нас здесь, в данном случае, в кавычки.

Конечно, в лагере миллионы людей погибали без радости. Конечно, в скорбях, и в угрозах, и в страхах люди умирали в этой дрожи и в этом иступлении. Но ни для кого такой путь духовного обретения счастья и радости в себе не закрыт.

И всё-таки я ещё раз возвращаюсь к началу сегодняшней темы. Что же означает для человека подойти к такому результату, когда он может сказать о своей жизни, что я нашёл радость? Когда он находит истину, да.

Но истина может быть найдена в качестве религии, в качестве обретения Бога. Но человек ещё не может сказать, вот я радуюсь. Это итог длинного пути, религиозного и духовного пути.

Что, как мы с вами говорили уже здесь неоднократно, совсем не одно и то же. И всё-таки это результат. И поскольку мы говорим здесь о пути, то тогда от меня требуется здесь как бы установить вот тот ряд ступеней, которые ведёт к этому.

И первая ступень, о которой мы здесь говорили, это, конечно, ступенька зрелости, характерной чертой которой является ответственность. И другая ступенька является утверждение бытия. Быть или не быть.

Помните тот самый вопрос Гамлета, который я здесь ставил и на который отвечал. И без утверждения собственного бытия, без утверждения собственной жизни, конечно, невозможно подойти и к понятию радости, и к понятию ценности жизни. И ещё, ответственность, утверждение бытия и открытие своей жизни, открытие опыта существования.

Когда человек может сказать, вот я, я есть. Это опыт, это духовное переживание собственного бытия, но это не мысль, а это опыт, это разные вещи. Впрочем, не буду повторяться.

И вот когда человек подходит к этой границе, и он переживает самого себя как существующего, переживает это как дар, как открытие, и переживает это как обретение самого себя, своего подлинного бытия, своего подлинного я. И тогда перед человеком открывается возможность, наконец-то, ответить на главный вопрос. Если я есть, то я живой.

Если я живой, то значит мне дана жизнь. И это означает, что я обладаю этой жизнью. Здесь самое ценное заключается в том, что человек принимает дар жизни.

Он говорит жизни да. Это как раз тот самый вывод главный, который сделал Виктор Франкл и которому научил нас. Сказать жизни да, это означает принять, согласиться с той жизнью, которая есть у меня.

Только у меня. Потому что только я могу быть сувереном в собственной жизни. Жизнь моя принадлежит только мне и никому больше.

Это вот что означает. И это означает, что ответственность за неё могу нести только я. Это означает, что никто другой на всём белом свете за мою жизнь не отвечает, её не несёт и, можно сказать, не получает с неё никаких плодов и результатов.

Мы очень часто перекладываем ответственность за свою жизнь на кого-нибудь. Понятно, что маленький ребёнок не может взять ответственность тотчас как он родился или даже как ему исполнилось 10 лет на себя. Маленький ребёнок не несёт ответственности за свою жизнь.

Но когда человек взрослеет, а о взрослении мы здесь говорили достаточно много, вот только тогда перед ним открывается возможность принять свою жизнь, сказать жизни да и нести за неё ответственность. Это самое трудное дело взросления — понести ответственность за свою жизнь. Но прежде её принять.

Принять, что называется, без условий и оценок. Потому что если я буду пытаться в своей собственной жизни поставить условия, при которых я могу принять её, то это будет означать буквально, что я от неё отказываюсь. Вот если бы я был богат или вот если бы я родился на 100 лет раньше или на 100 лет позже, вот если бы я родился у богатых родителей или у белых родителей или в той стране или в этой стране.

То есть, иными словами, любые условия, любые наши оценки своей собственной жизни, которую мы не любим, не принимаем, недовольны, не удовлетворены, которые вызывают у нас отвращение, уныние, грусть и так далее. У каждого из нас очень много претензий к этой жизни. У каждого из нас есть такие условия нашей жизни, которые, как кажется иногда, могли бы не быть.

Или которых у нас не хватает для полного счастья. Или мы ждём, что кто-то придёт и переведёт нас из нашей жизни в какую-то другую, которая нам желанна. Или кто-то придёт в нашу жизнь и переделает её, устроит её по-другому.

Добавит к ней нечто такое, чего нам не хватает в этой жизни. И этот кто-то всегда не мы. Это бог, или царь, или президент, или родители, или муж, или жена, иногда дети.

Таким образом, мы перекладываем ответственность за свою жизнь на кого-то. И тогда у нас открывается возможность быть же этой жизнью недовольной. Её ругать, критиковать и не принимать.

Но поскольку мы жизнь свою не принимаем в чём-либо, мы ей недовольны. Мы не можем ей радоваться. И призыв апостола «Всегда радуйтесь» для нас представляется некой духовной добродетелью, который, собственно говоря, к моим сердечным чувствам и к моему реальному жизненному самоощущению не относится.

Он относится к чему-то такому абстрактному. Если вот я встану на горе, посмотрю сверху, какие красивые леса, луга, поля, закат. Вот этому я могу порадоваться, но своей жизни нет.

Потому что вот там и дальше по списку раз, два, три, четыре, десять, пятнадцать. Выбрать жизнь – это выбор свободный. К этому выбору нельзя подтолкнуть человека, нельзя заставить его выбрать жизнь.

Мне очень часто, как священнику, как психологу, приходится иметь дело с родственниками алкоголиков или наркоманов, которые говорят, я хочу, чтобы он захотел жить, не пить, не колоться, или наоборот, работать, учиться. А он не хочет. Но точно так же говорят и врачи.

Что мы можем сделать с больным? Мы ему поем уже перепробовали все антибиотики, но он не выздоравливает. И он не хочет жить.

Я сталкивался с наркоманами, которых лечили от бронхита, астмы, и они не лечились, они не долечивались, они снимали астматический синдром и убегали из больницы, потому что им не нужно здоровье. Они не хотят жить. Наивные наркологи, некоторые, ну, неопытные наркологи, опытные уже знают, думают, что если они снимут синдром абстинентный и дадут человеку ощутить якобы здоровое самоощущение своего тела, то он перестанет употреблять, или пить, или колоться.

Это неправда. Потому что, как еще Достоевский открыл, человек может ненавидеть себя самого. Потом это уже и Прейг показал, и многие другие ученые, но, пожалуй, наиболее художественно ярко открыл это Достоевский, что человек может себя ненавидеть, быть собой недовольным, и, в буквальном смысле, не желать жить.

И поэтому сегодняшняя тема, как вершина, одна из вершин духовного постижения себя самого, это принятие дара жизни. Сказать жизни да. Принять и принять ответственность за свою жизнь.

Что это значит? Это значит, во-первых, принять ответственность за то, что мы эту жизнь, я ее получил. А получил я ее от родителей и от Бога.

И в тот момент, когда я жизнь свою принимаю, когда я ей говорю да, ответственно, свободно, и понимаю, что это означает. А это означает более ни на кого не перекладывать ответственности за свою жизнь. Ни от кого не ждать, что мне принесут на тарелочке за голубой каемочкой мою мечтанную жизнь, со всеми ее пирожками и коврижками, со всеми ее розами, успехами и достижениями.

И что никто не может мою жизнь, мою собственную жизнь у меня отнять. Это тоже невозможно. И что я отвечаю за свою жизнь.

И только я. Так вот, когда я ее принимаю, я в этот момент тоже принимаю у себя самого жизнь. Бог, родители, но и я сам дарю себе жизнь в тот момент, когда я ее принимаю.

Значит, принять дар жизни это некая точка, некий акт, после которого я становлюсь полным и действительным, реальным обладателем этого величайшего дара. А боли этого дара в жизни нашей не существует, как сама жизнь. Но тот, кто принял его, знает какое это богатство.

Это богатство неиздеваемое. Это то богатство, о котором Христос говорил в Евангелии. Вы обретете жизнь вечную.

Принявший Господа, жизнь принимает. Не принимающий Господа, не принимает жизни. Только тот, кто принял, знает какое это богатство.

И появляется новая ответственность. Ответственность за этот дар, за это богатство. Это ответственность за неисчерпаемые, по сути дела неисчерпаемые, в личной судьбе, в личном пути человека, те возможности, которые жизнь дает.

А во-вторых, это ответственность за то, как я эту жизнь живу, как я её проживаю. Не хочется сказать слово «использую», но что-то вроде близкое к этому понятию. Как я её проживаю, что я с ней делаю?

Иногда говорят, что не беречь своё здоровье — это грех. В каком-то смысле — да. Но не принимать свою жизнь и не дорожить ею, в буквальном смысле, не дорожить — это больше грех.

И если есть такое понятие, как смертный грех, то это как раз из этой области. Потому что податель жизни — кто? И не принимающий жизни — у кого?

У кого не принимает дар? У родителей своих, но и ведь и у Бога, Который не только личную мою жизнь сотворил, но и сотворил её изначально. Не принимающий жизнь отказывается от Творца, отказывается от того, что дал Бог человеку.

Это ли не бунт? Это ли не богоборчество? В каком-то смысле каждый человек, отрицающий Бога, отрицает, собственно говоря, подателя жизни, отрицает свою жизнь.

И наоборот, тот, кто жизни не принимает, ему трудно принять Бога. Бога как Творца и как подателя жизни. Но есть ещё одна ответственность.

Это ответственность за плод, плод жизни. Не результат, потому что результат всегда отдаёт смысламжитого, смыслам какого-то успеха. А именно плод, потому что плод не является ничьим успехом.

Он созревает потому, что такова его природа, таковы законы его бытия. Так и наша жизнь. Она тоже созревает и она тоже подходит к своему какому-то результату.

Который в какой-то степени зависит от наших усилий, от нашего свободного выбора, но не на сто процентов. И вот плод жизни это тоже моя ответственность. Это моя ответственность и на Божьем суде, и это моя ответственность и здесь, и в этой жизни тоже.

Не в том смысле, что я оставлю после себя. Всегда на этот вопрос хочется ответить, а что я сюда принёс, чтобы мне чего-то оставлять. Вспомните еклезиарство.

Гол я пришёл сюда, гол и уйду. То же самое и в книге Иова. Но тем не менее, жизнь каждого человека обогащает вселенную.

И жизнь каждого человека драгоценно передачами Божьими. Значит и то, что остаётся как плод жизни в руках Божьей, как дар. И этот дар наша ответственность.

Но трудно представить себе, чтобы жизнь, принятая мной, была бы индифферентна для меня. Чтобы это было только актом мысли или моего

сознания. Принимающий жизнь, принимает величайшее богатство, примет величайшее счастье.

И оттого он не может не радоваться. Принявший жизнь не может не радоваться. Тот грустит и скорбит, унывает и отчаивается, кто к жизни к этой ещё не стал причастником.

Кто её не принял. Принимающий радуется. И потому про апостола Павла можно сказать, хотя он говорил, что на каждый день умирает, но он на каждый день и жизнь берёт, и несёт её, причём жизнь-то вечная.

Радость является прямым и самым, может быть, первым результатом принятия жизни. Самым важнейшим итогом отношения к жизни, как к своему собственному дару. И опять же, это радость свидетельство человеческой зрелости.

Потому что человек доходит до этого, добирается, с большими потерями, о которых мы говорили в прошлый раз, и с большими обретениями, о которых мы говорили и сегодня говорим. Поэтому радость человека, который обретает свою жизнь, она, по сути дела, не ограничена ничем. Это человек, принимающий вечность.

Подлинная жизнь есть жизнь вечная. Тот, кто ощутил в себе хотя бы раз, прикоснулся к этому внутреннему источнику жизни, понимает, о чём я говорю. И это прикосновение к жизни вечной.

Потому что это духовный дар. И он в каждом человеке есть. Он и благодатный, он и есть в нашей природе.

И то, и другое, вместе. И радость становится отношением к жизни, потому что открытие жизни в себе свидетельствует о том, что жизнь эту имеют и другие. И тогда становится понятно, чем жили люди предыдущих поколений, которые умерли, и о миллионах которых люди забыли, чьи останки перемешаны с землёй, где-то давно перенесены руками человеческими, или морем, или ветром, и имена их просто никто не может вспомнить, и никто не мог бы знать.

Но и они – причастники жизни вечной. Такова евангельская весть, но таково и открытие человеческого сердца. И тогда понятно, слова евангелия, что для Господа нет мёртвых, но все живы.

Вот в этом смысле жизни. И это открытие второе после открытия собственной жизни. Открытие жизни других, и открытие жизни вечной.

И это, по сути дела, евангельское открытие. Жизнь, по сути дела, данная Богом, она как переполненный источник. Он не может оставаться где-то в земле, он выходит наружу.

Он начинает течь, питать реки, а реки потом питают моря. То есть это избыток. Жизнь каждого человека – избыток жизни.

И избыток благодати. Поэтому каждый человек драгоценен для нас, для другого, для ближних, для дальних. Потому что всегда, если он себе жизнь открывает, то этот избыток всегда начинает течь.

Или свет, который начинает струиться. Человек, облагающий собственной жизнью, казалось бы, он ничего не прибавляет к этому. Но на самом деле, он прибавляет туда свою свободу.

Свое личное открытие. И тогда этот источник переполненный, он начинает струиться для других. Как родник.

Пока родник скрыт в земле, и их много таких, о нём никто не знает. Но только когда он выходит на поверхность и начинает течь. И о нём узнают, что он чистый, что он светлый, что он вкусный, что он целебный.

Только тогда к нему начинают переходить и брать из него воду. Каким бы маленьким он ни был. Так и каждый человек может быть таким источником.

И на самом деле является таким источником. Так что это отношение радости к своей жизни и к жизни другим. Это отношение, которое формируется в личности, и оно является результатом его открытия, его поиска.

Но тот, кто ответственно относится к своей жизни, ответственно несёт, он ответственно несёт и к тому, что с ним происходит, и к тем отношениям, которые у него возникают, новым отношениям с людьми. Ответственность за свои отношения с людьми в таком новом свете и в новом ключе. Это ответственность, в которой нет жертвы и нет палача.

Нет обиды и нет проклятий. Нет страхов и нет угроз. Потому что этот источник жизни, который есть в человеке, он ведь никем не может быть умалён.

Отнят. Завален камнями или испачкан. Он не принадлежит действию, отношениям.

Он иного рода. И поэтому в отношениях открывается свобода. В отношениях к другому, к такому же свету, к такому же источнику жизни, открывается, безусловно, уважение и радость о другом.

Почему преподобный Серафим говорил каждому, «Христос воскрес, радость моя!» Потому что в каждом он видел такой свет и такой источник. И в каждом эту жизнь приветствовал. И вот это и есть радость, как отношение к другому.

Радость как отношение к жизни. Но эта радость жизни и ответственность за свою жизнь, безусловно, ответственность перед тем, кто дал. Перед родителями и перед Богом.

Принять свою жизнь, это можно сделать, только приняв своих родителей. Потому что они, причем оба, и отец и мать, податели моей жизни. Не могу я принять свою жизнь, не приняв своих родителей.

И тогда понятно, как легко исполняется заповедь Моисеева, «Чти отца и мать!» Такому человеку, который жизнь свою принял. Это просто следствие из этого принятия. Если я принимаю свою жизнь и отвечаю за нее, я с радостью благодарю своих родителей за то, что они мне дали жизнь.

А как иначе? Потому что эта жизнь ими рожденная. Но также отношение к Богу.

Я не могу относиться к Богу иначе, как с величайшей благодарностью за то, что Он дал мне эту жизнь. За то, что Он всем дал эту жизнь. И тогда возникает очень важная следующая тема, о которой надо сказать, что радость становится благодарением и молитвой.

Благодарение за свою жизнь. Собственно говоря, ощущение жизни и радости от нее становится движущей силой молитвы. И молитвы прежде всего благодарственны.

Очень часто спрашивают, как преодолеть сухость в молитве? Как научиться молиться? Как сделать так, чтобы молитва была вот как у святых, у подвижников?

Уверяю вас, что человеку, у которого радости в сердце нету, нельзя объяснить, как молитва может быть радостью и как молитва может быть удовольствием для такого сердца. Она сама начинается. Это ее как бы толчок, это ее движение.

Радующийся и принимающий жизнь принимает ее как дар. Но нельзя принять дар по природе, не принимая дар благодатный. И поэтому радующийся и принимающий свою жизнь принимает и те благодатные дары Божии, которые даются сверх того.

Сверх того, что я уже получил от природы. К вопросу о благодати. Благодать дается каждому человеку и дается с преизбытком.

Тот, кто принимает жизнь, готов принять следующий дар. Тот, кто от этого отказывается, как же он примет дополнительное? Это к притче о талантах.

Тот, кто использовал один талант, может использовать тогда уже на два и на три. Кому дано было десять, и он получил на них еще десять, ему можно еще давать. И Господь говорит, такому дастся и еще дастся.

Тому, кто отказался от своей жизни, от того главного таланта, который ему был дан, и зарыл его в землю, у того и отнимется. То есть, радость и принятие жизни, это открытое отношение к Богу. Открытое отношение к благодати, которая дается.

И что же тогда получается? Радость от жизни, да еще плюс радость от дарованного и полученного, еще полученного и еще. И, по сути дела, этому нет конца.

И тот, кто получает, свидетельствует, что это преизбыточествующая жизнь. В Боге жизнь преизбыточествует, ей нет ограничений. Тот, кто получает и берет, тот получает еще.

Тот, кто не хочет брать, у того отнимается. Может ли тут быть насыщение? Едва ли.

Может ли тут родиться жадность? Жаден тот, кто ощущает в себе недостаток. Жаден тот, кто все время жалуется на пустоту, что ему мало.

Ненасыщаемость — это признак пустоты. Но может ли человек быть пуст? Тот, кто принял свою жизнь и ощущает в себе избыток дара, не может жаловаться на это.

Это его состояние, это его отношение к Богу. Отношение, в котором есть и благодарность, и принятие того, что Господь дает. Сколько может вместить в себя человек?

Этому меры нет. И никто этого не знает. Как человек низко может пасть?

Так же может высоко и взлететь. Насколько человек может быть полным? А как он может быть пуст?

Этому нет меры. Это не количество, это отношение с Богом и отношение с другими людьми. Как часто можно слышать жалобу.

Вот ему столько дали, вот у него столько талантов, у него столько способностей. Но он их взял? Он их принял?

А тот, кто пуст? Не он ли закопал свои таланты в землю? Не он ли отказался?

Если это так, то тогда пустота и избыток, щедрость и жадность — свободный выбор. И тогда это результат выбора. И тогда это грех.

Потому что грехом может быть только свободный поступок. Грехом может быть только такой поступок, который человек выбирает. Мы очень часто жалуемся на судьбу, мы считаем, что есть непреодолимые повороты и изгибы нашей жизни, нашего пути, которые определяют наш успех и наше счастье.

Но мне кажется, лучше считать, что все повороты счастья нашего и радости — это наш выбор. И я по опыту убеждаюсь всё больше и больше в том, что от собственной радости, от собственного счастья люди отказываются, убегают от счастья, от радости, от жизни. Так же, как мы уже 50 лет знаем, как убегают от свободы.

По исследованию Эриха Фрома. Так же точно убегают от радости и от счастья. Как можно радоваться, говорят, когда вот там гибнут люди, а вот тут такая преступность, там вот наркоманы, там вот неизлечимо больные люди.

Как можно радоваться? Где место радости? Тут, в сердце.

Если наша радость ходит по улицам, или она разлита в лужах, или она строится в этажах новых домов, или она блестит на витринах магазинов,

это ли радость? Там ли человек? Нет, подлинная жизнь человека внутри, она в сердце, и поэтому она совершенно доступна каждому.

Все эти слова о радости и о жизни подводят к очень важной теме, которую я уже затрагивал неоднократно, и еще мы будем ее касаться, это тема благодарности. Каждый человек, который ощущает в себе дар жизни, который ощущает в себе благодать Божию, его дары, его любовь, не может не благодарить. Благодарность — это как следствие радости, как следствие своего духовного и всяческого жизненного богатства.

Но благодарность — это не просто естественное следствие. К благодарности, конечно, нужно приложить усилия. И благодарность имеет несколько очень важных, собственно говоря, человеческих условий.

Первое условие — это смирение. Потому что благодарить можно только за то, что ты получил от другого. Но если я получаю это от другого, значит, у меня этого нет, а у другого есть.

Значит, перед тем, как я получил, я был меньше, чем другой. Он был на величину того, хотя бы только на величину того дара, который он мне дал, я был меньше его. Это он мне дал.

И для того, чтобы признать этот факт моего неравенства, мне нужно смирение перед ним. Только тогда я могу взять. Как часто мы говорим, нет, нет, что вы, что вы, мне этого не надо.

Не потому, что мне не надо, но потому, что мне уж больно тяжело признать, что у него есть, а у меня нет. Что я меньше, что он больше. Пусть даже на величину этой маленькой услуги или вещи, или ещё чего-нибудь.

Так что, чтобы принять, поблагодарить, перед тем, как поблагодарить, принять, необходимо смирение. И это смирение, это условие благодарности. Тот, кто смиряется и признаёт свою, пусть в чём-то небольшом, свою малость или свою недостаточность, он и благодарит.

И принять дар, вот так же, как мы сегодня говорили о принятии жизни, это тоже условие благодарности. И ещё условие благодарности — это радость тому дару, который ты получил. Потому что, если я чему-то не рад тому, что получил, я за это благодарить не буду или буду благодарить только формально и не искренне.

Спасибо, спасибо, а на самом деле я думаю про себя, зачем мне это нужно? Зачем вы мне это принесли? Только тогда, когда я действительно радуюсь своему дару, который приобрёл, получил, только тогда я могу поблагодарить.

И вот это всё, что я получаю от Господа, это все эти условия, они рожают в моём сердце благодарность. Но какая же благодарность может быть Богу, который ни в чём не нуждается? Он не нуждается в жертвах, он не нуждается в наших каких-то благодарностях.

Чем мы можем отблагодарить Господа? Прежде всего тем, что мы его дар принимаем и тем, что мы его дару радуемся. Наша радость и есть благодарность Богу.

И потому самые ценные, самые драгоценные молитвы, которые Церковь хранит сквозь тысячелетия, это молитвы благодарения и молитвы хваления. Их не так много. В нашем православном богослужении их, по сути дела, осталось, хотя в древности было больше, осталось, ну, минимальное число.

Большая часть молитв наших – это покаянные и, конечно, просительные. Вот уж чего-чего просить мы умеем. Хотя и тут тоже есть заковырка.

А просим-то как? Действительно ли мы просим беря? Не походит ли наша просьба и наши просительные молитвы скорее на вой нищих, стон, вопль?

Мы скорее свою скорбь изливаем в просительных молитвах, чем просим, как требуем, дай! И есть ли в наших просительных молитвах убеждённость – возьму! И как часто даваемое мы не принимаем, но вновь и вновь повторяем наши просительные молитвы.

Да и покаянные тоже. Но об этом как-нибудь в другой раз. Так вот, молитвы благодарения и молитвы прославления, они, может быть, самые трудные, но если человек обретает дар своего внутреннего богатства, неисчерпаемого богатства, тогда молитва благодарения и прославления давшего, прежде всего, Господа, становится не просто лёгкой, она становится, по сути дела, постоянной и не остывающей.

Она не прекращается. Это молитва благодарения, сама жизнь и сама радость как молитва благодарения. Жизнь и радость как постоянное благодарение Господу.

И ещё несколько очень важных следствий из обретения жизни и следствий радости жизни. Жизнь порождает радость, а радость даёт силы, причём сил много, сил с избытками. А силы дают желание действовать.

Иными словами, силы порождают нашу деятельность. И так человек открывает в себе способность соработничества Богу, открывает в себе возможность действовать, жить, творить. И творить, причём не через силу, как мы говорим, а с силой.

Не по принуждению, а с желанием. Не от недостатка, а от избытка, от щедрости. И такое соработничество Богу является по сути дела духовным законом, духовной потребностью человека, не духовной трудностью, не духовным подвигом с оттенком принуждения и сверхпринуждения.

А духовной радостью и духовной потребностью. Человек, одарённый жизнью и одаривший себя жизнью, может действовать, по сути дела, без усталости. И тогда его жертвенность становится жертвенностью щедрого, а не щедростью получающего и надеющегося на награду.

Для человека, который действует от избытка, для него уже сама жизнь и возможность действовать уже являются наградой. Я хочу привести один пример, который, конечно, вы знаете и тоже часто употребляете. Это пример пророка и царя Давида, который мне кажется очень красноречивым и, конечно, к сегодняшней теме наиболее подходящим.

Я прочитаю эту, может быть, немножко длинную цитату, но это картинка из жизни, одна из самых центральных сцен и картинка потрясающей многообразной жизни царя Давида. Вторая книга царств, глава шестая. «И когда донесли царю Давиду, говоря, Господь благословил дом Аведдара, и всё, что было у него ради ковчега Божий, то пошёл Давид и с торжеством перенёс ковчег Божий из дома Аведдара в город Давидов.

И когда несший ковчег Господень проходили по шесть шагов, он приносил в жертву тельца и овна. Давид скакал изо всей силы пред Господом, одет же был Давид в льняной ефот. Так Давид и весь дом Израиля внесли ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками.

Когда входил ковчег Господень в город Давидов, Милхола, дочь Саула, смотрела в окно и увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, унижила его в сердце своём. И принесли ковчег Господень и поставили его на своём месте посреди скинии, которую устроил для него Давид. И принёс Давид все сожжения пред Господом и жертвы мирные.

Когда Давид окончил приношение все сожжения и жертв мирных, то благословил он народ именем Господа Саваофа и раздал всему народу, всему множеству израильтян, от Дана даже до Версалия, как мужчинам, так и женщинам, по одному хлебу и по куску жареного мяса и по одной лепёшке каждому. И пошёл весь народ каждый в дом свой. Когда Давид возвратился, чтобы благословить дом свой, то Милхола, дочь Саула, вышла к нему навстречу и приветствовала его, сказала, «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабов своих, как и обнажается какой-нибудь пустой человек?» И сказал Давид Милхоле пред Господом, «Плясать буду, и благословен Господь, который предпочёл меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня Израиля, пред Господом играть и плясать буду. И ещё я больше унижусь, и сделаюсь ещё ничтожнее в глазах моих и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен». Я не читаю тут последнюю строку, относящуюся к Милхоле, как наградил её Господь за это.

И в этом свете слова апостола Павла из послания к Хрислоникийцам «Радуйтесь, всегда радуйтесь, за всё благодарите и непрестанно молитесь» становятся совершенно понятными, как будто бы вытекающими из слов описывающего жизнь Давида. И это призыв и это свидетельство о том, что так жил человек, так жил Давид, так жил апостол Павел, так живут многие наши современники, которые, как нам кажется, совершенно не похожи на великих и славных пророков и праведников. Но я свидетельствую вам, что таковых немало людей, из чего сердце непрестанно истекает благодарность Богу и радость, радость о Господе, радость о своей жизни и радость вообще о бытии как таковом.

Я не очень хорошо запомнил слова Иосифа Бродского из его стихотворения, название тоже не помню, но известные очень строчки, я сейчас попытаюсь их вспомнить, так, наугад. И пока мой рот не залеплен глиной, из него будет всегда исходить благодарность. Что-то вот такое.

Благодарность, да. Вот, пожалуй, это подтверждение слов, что и среди нас есть люди, которые не могут не благодарить. Спасибо.

Ну вот, а теперь я могу ответить на Ваши вопросы. Устные есть?

[Говорящий 3]

...называть духовный ритм личности, да. Хотелось бы попросить Вас объяснить, как понимается личность, этот термин, с точки зрения христианства. Вот, и просто вообще этот термин, он не встречается и в Евангелии, и в Святых Отцах, по-моему, тоже.

Вот, то есть хотелось бы понять, откуда этот термин возник, а где он был, и в связи с этим нужны ли Богу личности?

[Говорящий 4]
Нужны.

[Говорящий 3]
Богу личности.

[Говорящий 1]
А Вы занимаетесь в этом?

[Говорящий 3]
Ну, занимаюсь я, занимаюсь я знакомым человеком, который говорит, что если в Евангелии это не сказано, значит, что это уже претензия человеческая.

[Говорящий 1]
Что же можно сказать такому человеку? В Евангелии нет термина христианства. В Евангелии нет термина церковь.

В Евангелии нет термина троица. Почему в Евангелии нет? И тем не менее, мы не сомневаемся в том, что это понятие очень насыщенное, очень значимое для христианства.

Такую логику как-то в ней трудно рассуждать. Что касается термина личность, да, это термин новый. В русской словесности термин личность появляется в середине XVIII века, а в западной философии появляется примерно со времен Декарта, то есть персона.

Хотя термин персона в латинском иске существует еще до христианства. Так же как и греческое слово просопон и апостасис. Тоже, конечно, еще в дохристианскую эпоху появляется в греческой философии.

Понимаете, о личности я могу говорить примерно два семестра. Таков курс в христианской психологии личности. Это очень большая тема, по сути, главная для меня, как для христианского психолога.

Христианство дало понятие в богословии, понятие ипостаси, которое первоначально было и для греков, и для латинян единственным. Сначала по отношению ко Христу, и только начиная с VI века, ну с V, с V-VI века, по отношению к человеку. И понятие образа Божия.

И потом оно позже уже сформулировало, сформулировано в западной философии. Оно было сформулировано в XII-XIII, но все-таки уже в полновесном, в таком варианте, в XVI веке, Декартом. И с той поры стало прочно обосновано в западной философии.

В восточном богословии, в восточном и в русском православии, по сути дела, только XX век стал веком формулирования, понятия личности с христианской точки зрения. И обязанным этому прежде всего Владимиру Николаевичу Лоскому и многим другим богословам и философам XX века. В XIX веке в русской философии о личности вообще никто не говорил.

Первый, кто заговорил, был Соловьев. И вся плеяда философов, в которых он родил своей духовной интуицией, вот они стали говорить о личности, то не сразу. Прошло как минимум 10 лет, даже 15.

Бердяев, потом Булгаков, Семён Франк. Вот первые, кто заговорили об этом. Вот видите, 20 веков понадобилось христианству, чтобы сформулировать.

И то я бы не сказал, чтобы уже окончательно сформулировать понятие личности. В 1999 году русская церковь провела такую вторую конференцию как раз по антропологии. И вот там по термине личность ещё продолжали как бы говорить как о новом, но всё-таки уже утвердившемся богословском и именно в православном богословии, в богословском понятии личности.

Так что это очень большая и важная тема. По сути дела мы живём в ту эпоху, когда очень востребовано именно христианское понимание личности в отличие от секулярного гуманистического. Но ещё раз, я об этом очень долго могу говорить, двух словах сказать не умею.

Простите. Как может христианин радоваться, если он видит и ощущает бессмысленность своей земной жизни? Конечно никак.

Бессмысленная жизнь, нет, она невозможна. В ней никакой радости нет. Смысл её в работе, в странах при этом глобальный христианский смысл жизни вполне ясен.

А я думаю, что неясен, даже и глобальный неясен. Потому что если человек действительно верит в вечность жизни, в вечную жизнь и верит в своё воскресение телесное и в своё духовное бессмертие, то тогда уже смысл сам по себе существует в нём, уже живёт. А если нет, тогда, конечно, смысла никакого нет.

Бог часто не посылает своим чадам земного счастья. Да посылает, не берут. Счастливым Бог не нужен, не согласен.

А кому благодарить-то? Если когда получаешь, хочешь сказать спасибо кому-то, а кому? Представьте себе, что вы вошли в дом, вот как в маленьком цветочке, а там пир горой, ну и поел, попил, и хочется сказать спасибо, а кому?

Помните, как эта девушка, как же её звали-то? Алёнушка. Как она пыталась кому сказать спасибо?

Насте. Ну вот, видите, как здорово. Поэтому хочется сказать спасибо, а если никого нет, то кому?

А несчастливый всегда уповает на Бога. Несчастливый не знает Бога, я бы сказал так. Это специализированный вопрос.

Что вы можете сказать по поводу новых церквей, харизматических, в которых увлечены и православные? По поводу харизматик, я могу сказать, что это люди очень увлечённые, для которых свет православия очень интересен. Они много и исследуют православие, историческое и современное, очень увлечены, это люди ищущие.

Они ещё в пути, поэтому пока про них пишут русские, к чему они придут? Я знаю, что многие уже из них, из харизматиков, ну и вот из тех, кого я знаю, многие пришли к православию. Харизматизм, всё-таки, он очень тёплый, он гаящий, там что-то много человеческого и много такого божественного что-то.

Вообще человек ищущий всегда найдёт истину, а тот, кто останавливается в поисках своих, к сожалению, никуда не движется. Где ваши книги можно найти? Если вот эти книги, это не у меня, а мои книги, моих книг нету, к сожалению.

Но в интернете что-то есть, какие-то статьи, наверное, опубликованы. Объективные законы развития души. Да, я употребляю такой термин, естественно, я употребляю его в кавычках, потому что говорить о развитии души, это, конечно, натяжка.

Скорее, о развитии личности, что для психологии является вполне понятным и устоявшимся термином развития личности. Я думаю, что для христианского взгляда вполне естественно говорить о развитии личности,

о развитии души, конечно, нет. Хотя у святых отцов встречается понятие роста души.

Душа растёт. И есть понятие зрелости души. Такое тоже в святоотеческой антропологии встречается.

То есть что-то здесь возможно. Говорить о зрелости, о созревании души, это возможно. Святые отцы делали различие душа младенца и душа зрелого человека.

Значит, здесь какое-то представление такое и есть. Ещё есть понятие в святоотеческой антропологии становления человека, которое перекликается с понятием развития личности. Стало быть, такое сравнение возможно.

Но оно до конца методологически не обосновано, поэтому это ещё предстоит сделать. В какой мере зависит созревание духовного плода от наших усилий? Ну, в той же степени, в какой соработничество с Богом зависит от нас.

В синергии зависит от нас. Да, две же там энергии. Так и тут.

Конечно, в той степени. Но это же не количественное соединение двух вольт, двух энергий. Оно какого-то иного рода.

Отец Андрей, Вы сказали, что жизнь это радость. Точно, радость. Я свидетельствую.

А радость это показатель жизни. Показатель что-то такое отвлечённое, что-то обезличенное. Не радость сама по себе.

А человек, обретший жизнь, не может не радоваться. Вот как я бы сказал. Радость эмоциональная, а не духовная.

И то, и другое. Я не могу их разделить. Можно ли сказать, мне здесь радостно, и здесь мне место?

Конечно. Только здесь в каком смысле? В географическом?

Я думаю, что нет. Здесь это вот тут. Сердце в духе.

В своём каком-то духовном измерении пространства. Я бы сказал так. А не здесь в каком-то географическом.

Горевание, которое не проработано, такой термин психотерапевтический, оно не мешает радости жизни. Наоборот, радость жизни является ресурсом для того, чтобы человек отгоревал своё, что называется. То есть прожил горе, потерю, страдания, которые выпали на его долю.

Одно другого не мешает. Не могу ответить на вопрос. Тут вопрос об одном авторе, а я не знаком полностью, поэтому ответить не могу.

Это можно потом будет поговорить. Кто не отвержился себя, не возьмёт кресло, и кто не возненавидит душу свою и свою жизнь ради Евангелия, тот не может быть моим учеником. Примерно такие слова есть.

Как совмещается отвержение себя и принятие себя и своей жизни. Если отвергнуться своей души и своей жизни в буквальном смысле слова, понимаете, то это тогда самоубийство. Но Христос ведь не об этом же говорит, правда же, не об этом.

Христос говорит об отвержении того, что является иллюзией нашей жизни, что является мифом нашей жизни, ложью. Отвергнуться того, что нажито, отвергнуться того, что является неподлинным, что является ложным, что является страстным, что является удерживающим нас от духовного пути. Всякий раз, когда мы имеем желание какой-то текст, древний текст Священного Писания прокомментировать, надо иметь в виду контекст.

То, что та ситуация, в которой говорит Господь тому или иному слушающему. Таких мест, которые можно было бы всегда понимать без контекста, в Священном Писании не так много. Даже Нагорная проповедь, она нуждается в комментариях.

Поэтому взять два текста, сравнить между собой и столкнуть между собой легко, но только это не принесёт никакого плода. Как вы относитесь к болезни, к депрессии? Можно ли духовным путём обезвредиться, обойтись?

Нет, я не считаю, что можно обойтись. Конечно, если речь идёт о клинической форме депрессии, нужно использовать и духовные лекарства, и врачебное искусство, безусловно. Но есть множество духовных путей, как из депрессии выйти и как в неё не попасть.

То есть тут требуется общее усилие. Вообще всё, что касается душевных болезней, психических заболеваний, всё, что касается заболеваний

телесных, соматических, не нужно думать, что можно здесь обойтись чем-то одним. Либо только духовным, либо только телесным.

Всё можно использовать, всё человеку будет на пользу. Не нужно думать, что либо лекарственное исключает необходимость духовного, либо духовное исключает необходимость лекарственного. Это неправда, это крайности.

Что означает взять крест и идти за Христом? Для каждого человека это всегда свой. Но две вещи можно сказать точно.

Это не брать крест Христов. Потому что Его крест, это только Его крест. А Его крест заключается в искуплении всего рода человечества.

Никто из нас на это не призван. Взять крест и идти за Христом, это не означает спасать чьи-либо души, и уж тем более не спасать свою. Потому что душа каждого человека спасена Христом.

И мы себе не спасители. И это соблазн величайший, и не дай Бог кому-нибудь так думать о том, что он, взяв крест, спасает свою душу. Ибо Спаситель у нас один.

Для всех один, и для каждого из нас. Это не мы. В этом призыве взять крест свой и идти за Христом, есть две, на мой взгляд, составляющие.

Первое – идти тем путём, куда призывал Господь. И в смысле сегодняшней лекции, Он призывал как раз познать Бога. Вот что есть жизнь человека.

Жизнь человека есть познание истинного Бога. Значит, путь за Христом – это путь к познанию основ бытия. Творца, Вседержителя и Спасителя Бога.

И второе. Взять крест – это означает свой путь найти, свой духовный путь найти в жизни. Своё призвание.

Каков этот путь, никому изначально неизвестно. И никто помочь в этом не может. Значит, взять свой крест – это означает проявить свою интуицию и свой поиск, иногда мучительный поиск, обретение собственного, своего духовного пути.

Что он будет труден – это несомненно. Что он подобен кресту как страданиям – несомненно. Но это несколько не отнимает радости.

Если крест вам представляется безрадостным, тогда, может быть, вы идёте ни туда, ни за крестом. Я бы сказал, что это и есть признак какого-то нехристианского отношения к кресту. Потому что крест напугать никого, христианина, не может.

И стало быть, идя за крестом со своим крестом, можно радоваться. Апостол Павел сказал, всегда радуйтесь и за всё благодарите. Иногда возникает желание пресечь радость, эйфорию.

Слишком много её. Что мне с нею делать? Даже страх, что радость закончится.

Мне кажется, что подлинная радость, она нескончаема. Лучше самому её закончить, но это насилие уже над собой. Понимаете, в чём дело?

В психологии эта вещь известна достаточно хорошо. Почему мы отказываемся от радости? Мы очень часто сами себе с детства накладываем запрет на радость.

По разной причине. Отказ от радости – это такой эффект очень известный. И это может действительно быть причиной того, что радость недостижима, и счастья нет.

Если мы сами себе неосознанно отказались некогда ради чего-то от радости, то её и не будет. Признаёт ли христианство реинкарнацию? Нет, конечно.

На этот есть ответ. Хорошая книжка Кураева на эту тему. Мне кажется, там всё сказано полностью, всё очень последовательно.

Как радоваться моей родственнице, сын которой пристрастился к рулетке? Она просыпается с ужасом. Вы знаете, мы не можем никакого рецепта дать другому человеку, как ему радоваться.

Это невозможно. Это вопрос человек может себе задать. А могу ли я радоваться?

И как я могу радоваться, если передо мной стоят такие ужасы? Но только он себе в сердце своём и может дать ответ, может или не может. А вот мы извне никому...

Вообще говоря, есть один инструмент. Вы можете свидетельствовать другому, что радоваться можно, если вы будете радоваться. Если вы будете счастливы, рядом с вами люди поймут, можно быть счастливым.

Оказывается, можно. Пожалуй, главное христианское средство — свидетельство. Записки все?

Есть устные вопросы ещё? Нет? Или мне показалось, кто поднимал руку?

Как можно благодарить своих родителей, если они проявляют насилие над ребёнком и ненавидят его? Жестокие ненавидят его. Родители дали жизнь.

Это одно дороже всего остального. Даже если они действительно обходятся с ребёнком жестоко, что очень много. В мире очень много насилия в семье.

Но они дали жизнь. Если жизнь — это безусловный дар, то тогда они, как податели жизни, достойны благодарности. Заодно только это, что они дали жизнь.

Этого уже достаточно, чтобы благодарить родителей своих за то, что они жизнь дали. Тот, кто не ценит свою жизнь, тот не понимает этого, как можно благодарить родителей. Главное, за что.

Но это тот, кто жизни своей не дорожит. Для кого она не является даром. У вас вопрос?

[Говорящий 2]

Я бы хотела сформулировать этот вопрос о способности человека вместить радость. Как мне кажется, радость связана с понятием благодать. Совместное понятие радости и благодати.

Я вспоминаю тот случай, который описывается в духовной литературе, что Серафим Саровский носил покрывало. Не все могли его видеть.

[Говорящий 1]

Простите, я такого не помню.

[Говорящий 2]

Может быть, я ошибаюсь.

[Говорящий 1]

Это пророк Моисей носил покрывало.

[Говорящий 2]

Не всегда человек может вместить полноту радости, которую ему дает Господь. У него есть выбор. Он может от нее отказаться, а может ее принять.

Она ему дается, но он ее не берет не потому, что он не хочет ее взять, а потому, что он ее не способен взять. Боится поверить или не поверить. Как общаться с такими людьми, чтобы они не боялись этого?

Как с ними найти контакт, чтобы человек понял, что ничего в этом страшного нет. Если он на эту радость придет, то будет замечательно, прекрасно и удивительно.

[Говорящий 1]

Если вы верите, что человек свободен в своем выборе, то тогда вы ничего не можете ему ни доказать, ни показать, ни помочь ничем. Он может принять, а может не принять. Он может испугаться, а может принять с благодарностью.

Одно только я бы вам возразил в том, что радость неуместима в человека. Всегда уместима. Потому что Господь подает каждому в меру его, а не сверх меры.

Как быть благодарным родителям, зачавшим ребенка в прелюбодеянии? Я понимаю, что есть обстоятельства в жизни человека, которые действительно являются трагедией. Но жизнь, чтобы она состоялась, всегда от Господа.

И если это так, то тогда каждому живущему есть за что благодарить. Да, вот это дети, например, при изнасиловании, которые зачат при изнасиловании, это действительно очень серьезная проблема. Это отягченная жизнь.

И тем не менее, я должен вам сказать, что есть примеры людей, которые зачаты в изнасиловании, причем в изнасиловании жестоком, которые сумели принять свою жизнь и за нее благодарить, и радоваться ей. Это непросто, но это так. Что касается непосредственного текста этой записки в прелюбодеянии, то о прелюбодеянии знает только двое.

А как вот об этом третий узнал, поднимает вопрос. Потому что это оценка. Спасибо за ваши вопросы.

Еще есть? Да, Лен, да.

[Говорящий 4]

На будущий год мы будем радоваться встречам с вами? Будет что-нибудь?

[Говорящий 1]

Я думаю, что если будущий год наступит, то у нас будут все возможности для того, чтобы радоваться. Но если говорить о наших лекциях, то я уже объявлял и еще объявляю, что уже 12 января, если культурный центр Покровского рота подтвердит наш план, мы начнем новый курс, мы вдвоем его будем читать с Ольгой Михайловной, «Христианская семейная психология». И этот курс будет разработан еще и в серии десяти семинаров, посвященных христианской семейной психологии.

Так что уже 12 января на святках, если все будет благополучно и Бог даст, мы здесь сможем с вами встретиться. Спасибо. Всего вам доброго.